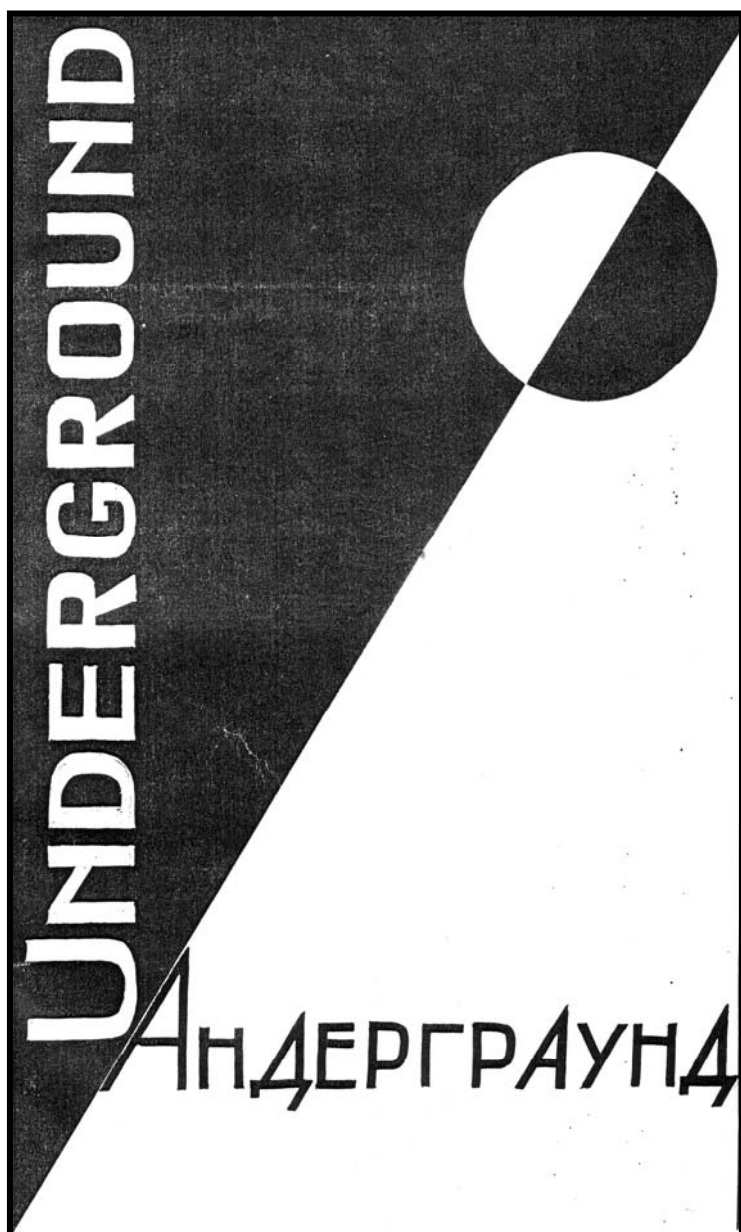

«А Н Д Е Р Г Р А У Н Д»

№ 7

/декабрь 1992 г./

Редактор - Михаил Зуйков

Контактный адрес: 627400 Тюменская обл., г.ИШИМ-3, а.я.84 телефон: 7-29-43

При перепечатке материалов ссылка на "Андерграунд" обязательна

(р) ЦИКАБАНК-ПРЕСС, Ишим - 1992 г.

(с) БАГУЛЬНИК-ПРЕСС, Ноябрьск - 1994 г.

Редакционная статейка.

Так вот получается, что "Андерграунд" стал ходить по кругу: одни темы, одни герои... "Опять ЦИКАБАНК, - недовольно скажите вы, - опять КООПЕРАТИВ НИШТЯК: все это было, было..." И будете не правы. Время идет. Время меняет наш почерк. Меняет музыку. Стал другим КООПЕРАТИВ НИШТЯК, изменился и ЦИКАБАНК. И мы, уподобившись летописцам, спешим зафиксировать этот момент, дабы поспеть за стремительным движением "реки по имени факт".

КН стал другим. Сугубым. Идея Баварии, к которой КН так долго шел от альбома к альбому, наконец-то воплотилась в последних песнях Кирилла Рыбьякова. "Мутабор" - это серьезно! "Свастика", "Бухенвальд", "Освенцим"... Следующей ступенью должен стать Нюрнберг. Я не прав, Кирилл?..

Радует, что в этом году вышло 2 /два/ номера "Андерграунда" - заметный прогресс! Есть потуги и в плане тиражирования журнала. Потуги, правда, не наши. Чужие потуги, потому - не очень понятные. Ну, а чтобы не потерять время, дожидаясь закономерного типографского выкидыша /ничем другим, по нашему мнению, это не должно закончиться/, наша секретарь-машинистка опять разминает пальцы на старенькой "Олимпиаде", проклиная советскую власть, КН и ЦИКАБАНК вместе взятых. Здоровья ей!

В этом номере мы продолжаем рубрику "Из закромов". Правда, на сей раз в нее попал совершенно свежий продукт, не успевший залежаться. Женя Киселев просил ознакомить со своим журналом /"Юлдуз Ньюз"/ как можно больше людей, и нам показалось, что данный вариант - перепечатка наиболее интересных, на наш взгляд, фрагментов - не самый худший. На большее рассчитывать не приходится.

Удачи всем в 1993 году!

Ред.

ЗОЛОВЬИ УНД ЗОЛЬДАТН или РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ.

Небольшое интервью с Кириллом Рыбьяковым, опубликованное в "Андерграунд" N 5, оказалось в чем-то пророческим. Напомню, в чем дело. Впрочем, лучше процитирую:

"Кирилл: - КН - это музыка чисто элитарная. Настолько элитарная, что если ее будут слушать всего два человека - то это будет полнейший кайф!"

Так вот, в ночь с 24 на 25 октября 1992 года в Ишиме такой концерт КН состоялся. Единственным зрителем оказался хороший человек по имени Пупа. Случайно забредший на огонек в ДК, он с ходу был вовлечен в безобразие, которое шло полным ходом. Но все по порядку...

КН приехал в Ишим... Нет, сначала я собирался в Тюмень попить винца-зелена с Кириллом... Впрочем... Да к чертям! Никакого порядка и не было! Пиво и порядок могут существовать только в Баварии!

Итак, было:

- КООПЕРАТИВ НИШТЯК энд гёрлз /директор КН Лена и гобоистка Женя, которой так и не пригодился привезенный инструмент/;
- пресса в лице Виктора Щеголева /"Темень"/;
- хороший зритель Пупа;
- ЦИКАБАНК в полном составе;
- пьяный худрук ДК /периодически/;
- пиво, вино, водка, дурь...

И все это было пропущено через голову человека, рискнувшего осветить это событие в "Андерграунде". Скажу честно, были попытки отлета крыши. Ситуацию спас простой плеер/рекордер. Да здравствует Япония! Да здравствует Бавария!!

Отец Михаил.

* * *

Сразу по приезду КН в Ишим Кирилл организовал ходоков за пивом, которого и было куплено два ящика. Потом мы сели вести разговоры.

* * *

Отец Михаил /М/: - Ну, как вас встретил Ишим?

Кирилл Рыбьяков /К/: - Не успели мы сойти с поезда, как Джефф сразу же встретил знакомую рожу.

М: - Ишимскую?

Джефф /Д/: - Нет, тюменскую. Эта рожа водкой торгует.

К: - Продавец и покупатель узнали друг друга!

М: - С чего начнем наш разговор?

К: - Пиво у вас хорошее. Дешевое!

М: - Отличное начало! Почему изменился состав КН? Как вы собрались?

К: - Выпили крепко и собрались, как это обычно делается. Хороший состав.

Д: - Ну, состав - это понятие относительное...

М: - В каком плане?

Виктор Щеголев /В/: - Просто некоторые товарищи - половина группы - считают, что они участвуют в КН в качестве студийных музыкантов, т.е. не принимают участия в концертах - только в студийных записях.

М: - Догадываюсь, что это новая половина.

К: - Самое великое событие прошедшего времени - то, что мы наконец решились и выгнали Бедарева*!

М: - А что, трудно было избавиться?

К: - От черных карликов всегда трудно избавиться, а он был черным карликом. Он всегда был черным карликом!

М: - У КН это понятие часто проходит открытым текстом - черные карлики... А как он открыл себя? Как мог?

К: - Когда мы от него избавились, мы поняли, что он - черный карлик. А самое главное - ленивый!

М: - Когда вы собрались исторически попить водки?

К: - Летом.

М: - Как быстро сделали материал для "Мутабора"?

К: - Достаточно быстро. Мы репетировали в центре эстетического воспитания. Разбудили там злобных духов - стены шуршат. Это по-настоящему, без прикола.

М: - В новом составе у вас концерты были?

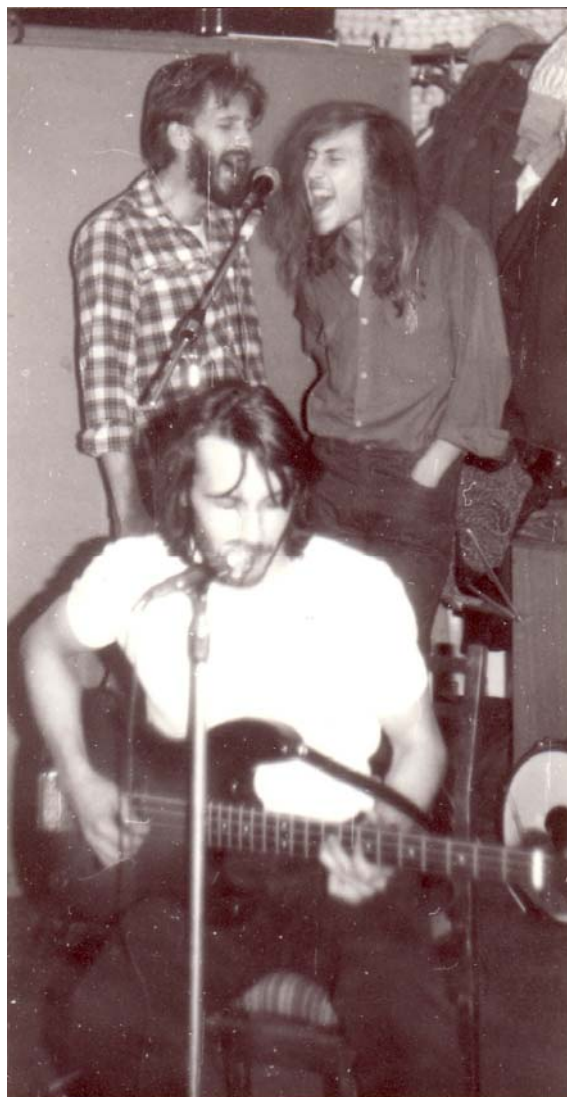
К: - Не было и не будет.

М: - Почему?

В: - Некоторые товарищи возражают...

К: - Дело даже не в этом. Вот если бы нас пригласили сыграть, например, в Стокгольм, на худой конец...

М: - Это фестиваль так называется - "Худой Конец"?

К: - Да, фестиваль "Худой Конец" в Стокгольме. Так вот там бы... Или поехать в тот же Париж... Там дать просрать! А здесь?... Куда здесь ехать?!...

Д: - А чем отличается Париж от Ишима? Ничем!

Джексон: - Ишим - гораздо выгоднее. Здесь пиво дешевое!

М: - А Париж?

К /мечтательно/: - Париж... Там такие кабачки есть... в которых я никогда не был... Или, допустим, ехать в Москву. Маленький город Москва, выступление в маленьком зале человек на тыщу. /агрессивно/ И мы для этих пидорасов, которые там сидят, будем играть?! Было такое дело - нас приглашали в Москве играть... В Москву на "Индюков", по идее, можно было бы съездить. Напиться там...

М: - А во Францию?

К: - Во Франции хотят издать мой роман.

Д: - Во Францию поехать можно.

Джексон: - Мы бы там жили на автомобильных свалках.

К: - Нет, вы бы там жили во дворце у Мика Джаггера, пили бы его пиво, учили бы его детей играть на черепахах...

М: - Ели бы черепах...

Джексон: - Пили бы из черепов...
/каламбуры такие - прим.М./

К: - Самые лучшие концерты - концерты на десять человек. С большим количеством пива!

М: - Вот ты нарисовал такой "баварский" концерт

К: - А это и будет Бавария!!!

М: - Десять человек и много пива - это Бавария?

К: - Это пивной путч!

Д: - Это святое дело вообще.

К /обеспокоенно/: - А малочисленный зритель-то во сколько придет?

М: - Да кто его знает?! Обещали...

К: - Лишь бы пришли. Хотя бы человека два. А если не придут - все равно клево будет.

М: - Конечно, клево]

К: - А для_одного человека концерт - это вообще пиздец! Вот это и есть пиздец!

М: - Это сильная идея!

Открываем очередную порцию пива

М: - Кирилл, почему в КН немецкая линия прослеживается? Откуда это?

К: - Не немецкая. Арийская! /долго молчит/ Я тебе честно скажу - а хуй его знает!

М: - Может над тобой звезды довлеют?

К: - Я сам не стремлюсь к звездности, и нет никого, кто бы надо мной довлел. А то что Бавария... В Баварии хорошее пиво! Во-вторых, в Баварии был пивной путч в 1933 году - вот это пиздец! И я открываю

новую бутылочку! А еще в Баварии очень хорошие готические здания. Наверняка ведь не зря этим хуям пришло в голову выебнуться...

В: - Напились пива и поехало!

К: - Никакого фашизма не было! Гитлер - это далеко не фашизм. Фашизм это не обязательно какие-то погромы... Как идея это очень красиво, фашизм - это светлая идея! Так же как готика. И не надо эту идею омрачать.

* * *

М: - Что в Тюмени нового на музыкальном фронте?

К: - КН записал новый альбом - "Мутабор"**.

М: - А кто еще голову поднимает?

К: - Постоянно кто-то голову поднимает... из зыбкой воды...

М: - Фестивали проводят?

В: - Некому проводить. Да никто и не пойдет на эти фестивали. Это касается и зрителей и музыкантов.

Джексон: - Слышал про новую группу? "Сублимация" называется.

К: - Вот блядьё-то!

В: - Это женское вокальное трио. Жена Ромыча, Света Рыжкова и...

К: - ...и подружка Сашки Андрюшкина.

Джексон: - Им надо с Колей Рок-н-роллом выступать.

В: - Разогревающим составом.

М: - Обогревающим! А у Ромыча жена тоже поющая?

К: - И поющая, и играющая, и вообще... стихи пишет...

М: - А на чем она играет?

В: - На домбре. У нее музыкальное образование... Я тоже играл когда-то на домбре...

К: - Мы все когда-то рано или поздно играли на домбре...

М: - А что слышно об "Инструкции"? /вопрос, повисший в молчании/

Джексон: - Мы не знаем...

В: - По последним сплетням, Ромыч приехал из Москвы и хочет репетировать.

М: - А что он делал в Москве?

К: - Греб бабки! М: - На чем?

К: - А хрен его знает... Давайте поговорим о том, что мы знаем. Скоро наконец-то выйдет второй номер журнала "Ништяк". Может быть, потому что макет остался у черного карлика Бедарева, который сейчас на курортах... А может, ему и выходить-то не стоит...

Саша Андрюшкин /А/: - Но поскольку он был объявлен...

К: - Нет, надо издавать порнографический журнал!

Джексон: - Сниматься в голом виде, с торчащими хуями...

М: - В сторону Баварии!

К: - Да! Так что скоро выйдет третий номер "Ништяка"! У нас вообще появилась идея сделать этот номер так: взять какой-нибудь немецкий журнал, порнографический, и просто глаза заклеивать и некие места - и все!

Джексон: - Нет! В порнографическом журнале нужно на имеющиеся тела наклеивать свои головы. И на женские тела в том числе! Причем, чтобы головы в пропорциях не совпадали с телами. Большие такие дела и бусинки голов!

К: - Так оно и будет, головы-то у нас маленькие...

Джексон: - Главное, хуи побольше приклеить!

М: - Мужики, вот собрались мы тут... рокеры-не-рокеры... И почему-то о хуях всяких говорим... И почему-то в такой среде считается моветоном говорить о детях, о семье... А мы ведь все - люди!

К: - Знаешь, какая штука? Во-первых, мы все не рокеры, а долбоёбы! Долбоёбы полнейшие! Во-вторых, есть такая очень хорошая старинная поговорка: нам отомстят наши дети. За что они нам отомстят? - хуй его знает! Но поговорка такая есть. А у "Кооператива" есть такая песня - "Нам отомстят наши дети". Еще как отомстят! Ой, пиздец!!

М: - Поэтому в другой раз ты и спел "Я люблю убивать детей"?

К: - Ой, блядь, люблю!!

В: - Это он просто содрал с "Дэд Кеннедиз".

М: - Правда содрал?

К: - Нет, не содрал. Сам припев давно жил, как символ.

М: - А тебя когда-нибудь ущемляли в том, что ты дерешь?

К: - Круто ущемляли!

М: - В цитатах?

К: - Нет, в цитатах никто не ущемлял!

М: - А! Драли тебя за Гребенщикова!

К: - Драли! Ебли, как ...!!! "Вот, ты с Гребенщикова пиздишь!" - говорил Гаврила Ромыч, пиздя мои песни - "Начало месяца" и т. д. /переходит на крик/ Пиздец, блядь!!

Джексон: - А правда, что про "Хорст Вессель"*** придумал Фень***
(Кирил даже теряет дар речи)

Джексон: - Фень говорил, что у него давным-давно была такая песня...

К: - У кого!!! Эта песня была еще давным-давно у Адольфа Гитлера. А до Адольфа Гитлера был такой мужик хороший - Хорст Вессель, который сочинил блатную песню, сыграл ее на своих инструментах, и она стала гимном фашизма. Так, что Хорст Вессель - это не гимн, это - мужик! Да еб твою мать... Обидели! Ой, обидели!!! Я думаю, тот же Джелло Биафра не обиделся бы на нас за нашу песню "Я люблю убивать детей", потому что у него другая песня. Абсолютно другая - "Я убиваю детей". Он убивает детей...

А: - А может, даже и не любит этого делать...

К: - Да хуй с ним, в конце концов! Лучше пива выпить...

М: - Кирилл, как у тебя дите растет?

К /неожиданно подобревший/: - Отлично! У меня хорошее дите. Оно каждый день улыбается и смеется... Ему уже 6 месяцев.

М: - Кирилл, а как ты относишься к такой мысли: рождение каждого конкретного человека не зависит от того, кто были его родители, и были ли они вообще. Мама как футляр, а папа - вообще неизвестно кто... Они не играют никакой роли.

К: - А семья?

М: - Вспомни Деву Марию...

К /взрываясь/: - Да в рот ее выебать, Деву Марию! Не было такой девы! Христос был. Но это был еврейский пьяница и бездельник...

Джексон: - Но он хорошие вещи говорил, правильные...

К: - С пьяни чего не скажешь... А Христос был пьяница и бездельник!

Д: - А ты-то сам кто?

К: - Я не пьяница и не бездельник.

Д: - Христос был обычным человеком, только больше прорубающим...

К: - А кто не ходил по земле ногами? Адольф Гитлер тоже ходил по земле ногами.

М: - А двенадцать его учеников - это, по-твоему, собутыльники?

К: - Ну, была у чувака бабка в кармане, пошел он в кабак - о-хо-хо!! А мы уже сколько лет истину ищем! Истин-то много, сегодня - одна истина, завтра - другая... Замкнутый круг...

Д: - Истина одна!

К: - Кто ее видел?

Джексон: - А ты видел хоть раз нарисованным Ленина, сосущего хуй?

К /решительно/: - Видел! У меня значок есть! И книжка есть!

Д: - Истина одна!

К: - Открой-ка лучше еще бутылочку! Открывашку тебе? Руками открывай - вот она и будет Истина.

Д: - Есть предел возможного.

К: - Нет предела возможного.

Вообще, споров на тему "Что есть Истина" было в ту ночь много. Опустим их за необъятностью...

М: - Кирилл, скоро будет круглая дата - 10 лет твоей музыкальной деятельности... Подведи черту...

К: - Десять лет беспробудного пьянства!

М: - Это жирная черта!

К: - Это жирнейшая черта!! Так оно и есть.

М: - Событие-то надо отмечать.

К: - Оно будет отмечено очень хорошо. Опять же десятью годами беспробудного пьянства!

М: - К десяти годам надо "Бест" выпускать.

К: - "Бест" будет! Точно будет!

М: - А большой концерт с привлечением всех людей, прошедших с тобой эти десять лет?

К: - Нет, всех не надо. Во-первых, не все из них сейчас находятся в той кондиции, чтобы записывать "Бест". Например, скрипач Вадик, который работал с нами в 88-м году, ушел в такую коммерцию, что я просто с ним не хочу общаться. Рожу его не хочу видеть и все! Любой "Гритс Хитс" должен записываться хорошими людьми. И свой такой альбом я запишу с Джеффом, если он, конечно, захочет, вернее, соизволит сыграть на чем-нибудь, и с Джексоном. И вот с этим волосатым ублюдком / Шурик Андриюшкин - прим.М./, которому постоянно нужно, чтобы только барабаны играли.

Ну, а потом был дан концерт. Он начался с того, что Кирилл выгнал из группы Шурика Андриюшкина /не последний раз на этот вечер/. Потом ушел сам. Через некоторое время обоих отловили в туалете и водворили на свои рабочие места. И концерт был дан. Описывать его - занятие бесполезное. Желающий да услышит.

После концерта.

М: - Кирилл, ты почему стал грустным?

К: - Пиво что-то давит...

М: - На мозговой пузырь?

К: - Мозгов у меня уже давно нет. Я как первый раз попробовал пиво - они все выдохлись!

Джексон: - У меня вообще в голове постоянный вакуум.

К: - Ты знаешь, отчего вакуум возникает? Когда у человека длинные волосы - им жрать-то хочется, волосам. Вот они мозги и вытягивают. В голове остается вакуум!..

Д: - А если еще борода есть... /общий смех/

К: - И тогда голова взрывается!

Джексон: - Она не взрывается - она высыхает.

К: - Нет, она взрывается. И на стене остаются тени...

М: - Кирилл, ты не грусти!

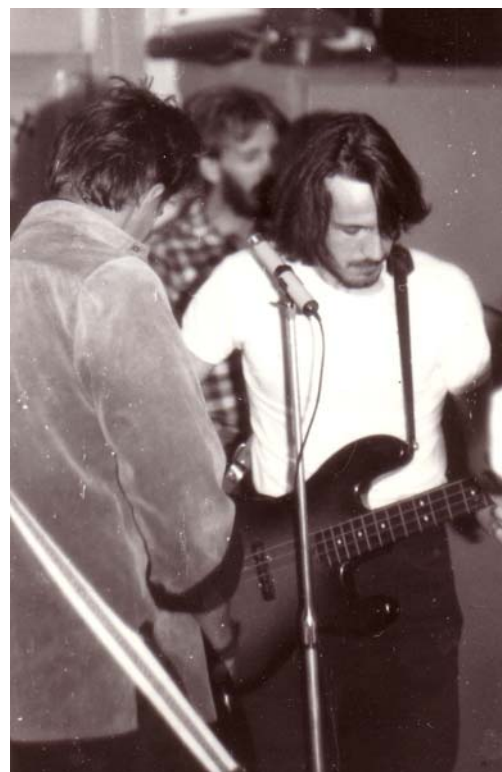
Д: - Как будто Ленин умер...

Пупа /поет/: - Дедушка Ленин давно уже помер!

М: - Джефф, это самая крутая песня ГО.

Д: - Народная песня, натурально!

М: - Блатная песня!

Пупа: - Кирилл, вот я возьму магнитофон и спою на него /поет что-то блатное, душещипательное/ - и уже завтра мои кассеты будут покупать больше, чем твои!

К /грустно/: - Да, так.

Пупа: - А у тебя есть песни про Россию?

К: - Есть! У нас все песни про Россию!

Пупа: - А что ты для России?

К: - Что я для России?... Червь ползущий! Жопка с ручкой! Хуйня - вот что я для России?

М: - А Россия для тебя?

Кирилл резко поднимается, закрывая тему разговора.

К: - Ну, ребята я еще не настолько пьян, чтобы отвечать на такие вопросы!..

М: - Нет, Кирилл, сегодня ты пьяный, поэтому еще не предполагаешь, как все нормально получилось сегодня. КН - великая группа! Я это понял недавно, совершенно отчетливо и неистребимо. КН - великая группа! Такие группы рождаются на небесах!

К: - Какие небеса?! Где они?!

М: - Да ты ж их топчешь!!

Д /мечтательно/: - Завтра бы пива взять с утра!..

К: - Завтра бы в Тюмени проснуться... / более трезвый подход - прим.М./

Д: - ... и пива взять!

М: - Давайте, мужики, все вместе сфотографируемся!

Все усаживаются перед фотоаппаратом. Кирилл в этот момент опрокидывает рюмку "Стрелецкой" и застывает с открытым ртом - запить нечем. Кто-то протягивает чайник с водой. В таком вот виде - с чайником и перекошенным лицом - "Зенит" безжалостно фиксирует Кирилла и всю честную компанию.

М: - Ну, ты как на перроне - с чайником кипятка!

К: - Чуваки, давайте споем!

И все дружно запевают "Ой, мороз, мороз"...

Постскрипtum. Обсуждаем вариант ж/д отъезда. Выясняется, что с поездами туго. Тогда Кирилл изрекает:

- Надо сделать проще - на все оставшиеся деньги купить пива!

Ишим 24/25.10.92 г.

* * *

Примечания:

* - Бедарев Игорь - экс-басист КН;

** - "Мутабор" - м/альбом КН 1992 г. /см. раздел "Магнитом по записям"/;

***- "Хорст Вессель" - песня, входящая в "Мутабор";

****- Фень Сергей - бас-гитарист группы "Пи Файф" /Тюмень/;

КН стал другим. Исчезли Бе и Бу. Их места заняли Игорь "Джефф" Жевтун /бас/ и Евгений "Джексон" Кокорин /гитара/. Фигуры весьма примечательные в нашем роке. Да просто - хорошие люди! Джефф, отпустивший волосы и бороду, очень изменился внешне, на самом же деле оставшись добрейшим человеком. Никакого высокомерия, звездности и прочих выебонов. Джексон заметно повзрослел, стал смел с гитарой...

Разговор с Джеффом и Джексоном выходит за рамки беседы с КН, поскольку касались мы в основном дел минувших...

* * *

ИНТЕРВЬЮ С ДЖЕФФОМ И ДЖЕКСОНОМ

М: - Джефф, в твоей музыкальной жизни был большой перерыв перед нынешней сессией. Сколько времени ты не играл?

Д: - Полтора года.

М: - Чем занимался?

Д: - Ничем. Дома жил, пиво пил...

М: - А почему ты перешел с гитары на бас?

Д: - Я еще в ГО играл на базе. На концертах...

М: - Расскажи о своей работе с "Обороной".

Д: - Последняя моя запись с Егором - "Прыг-скок". Это уже "Егор и Опизденевшие".

М: - А в каких альбомах ГО ты активно участвовал?

Д: - В четырех последних - "Война", "Русское поле экспериментов", "Армагеддонпопс", "Здорово и вечно".

М: - Там твоя гитара?

Д: - Ну, как гитара?... Я там, в основном, на ритме играл. На соляге Кузьма играл. Кузя Уо. Ну, и последний альбом ГО - это "Инструкция по выживанию". А потом группа распалась. Возникла другая команда - "Егор и Опизденевшие". Сейчас должен выйти второй альбом - "Сто лет одиночества". Начинать его писать мы втроем еще в феврале 1991 года. А доделывали его недавно Кузьма с Летовым вдвоем, в начале 92- го года, до мая-июня. Запись происходила в Омске.

М: - Каким образом вообще происходит запись у Летова?

Д: - Накладками.

М: - А барабаны? Тоже дома записывают?

Д: - Да, два барабана: рабочий и том.

М: - Всего-то?

Д: - А зачем больше?

М: - А что еще из аппаратуры есть?

Д: - Пульт есть, эквалайзер, ревербератор цифровой "РХ", микшерский пульт "Микрон"...

М: - А как происходила аранжировка песен ГО? Вот Летов предлагает музыку, текст... Дальше что с ними происходит?

Д: - Я не помню, давно дело было... В основном, идеи-то Летова.

М: - Ну, а ваш вклад есть?

Д: - Несомненно. Но в основном идеи летовские.

М: - Будучи в "Инструкции", ты писал песни. Назови их.

М: - Будучи в "Инструкции", ты писал песни. Назови их.

Д: - "Памяти Крученных", "Мы все в конце", "Не осталось никого", и то с переделанными текстами. Мои тексты были плохие. Аркаша Кузнецов с Ромычем их переделали...

М: - А в период работы с ГО ты что-нибудь написал?

Д: - Нет. Абсолютно.

М: - Принципиально не писал?

Д: - Нет. Не получалось. Закрылось что-то.

М: - Как, по-твоему, Летов прореагировал бы на то, если бы ты принес свои песни?

Д: - Хорошо бы прореагировал.

М: - А в "Коммунизме" ты принимал участие?

Д: - "Коммунизм" - это группа Кузьмы. Я его считаю гением. Это его идея. Ну, и Летов, конечно, многое внес. А что касается меня, то это был альбом "Солдатский сон". Летов с Кузьмой решили записать цикл солдатских, дембельских песен. В это время случился я в Омске.

М: - А как ты с Летовым познакомился?

Д: - Зашел как-то раз к Ромычу, там были Летов и Янка. Они как раз хотели записаться - Янка хотела - ну, я предложил свою помощь.

М: - Интересно послушать новые летовские дела.

Д: - Может, даже пластинка выйдет. Контракт давно заключен с фирмой "Эрио»*.

* * *

М: - Джексон, расскажи, когда ты перебрался с барабанов на гитару? Я помню тебя с 88 года таким молодым, в капитанской фуражечке, ты у Янки тогда барабанил, параллельно с ИПВ.

Джексон: - Угу. Еще в "Культурной революции" играл. А с гитарой я в первый раз в 89 году с ИНВ вышел на "Рок-Периферии" /Барнаул - прим.М./

М: - Потом у тебя были свои собственные проекты?

Джексон: - Да, "Созоновская прорва", "Провокация". Сейчас ничего этого уже нет.

М: - А твои последние дела с "Инструкцией"?

Джексон: - В 91 году мы записали серию песен, потом съездили в Москву на "Индюков", потом записали охуительную болванку в танцзале, на которую Ромыч хочет в Москве наложить голос... С тех пор мы почти не виделись. Аркаду Кузнецова я уже год не встречал.

М: - У меня недавно появилась запись "Инструкции" с "Индюков" - ужасный звук! Неужели на самом деле так было?

Виктор Щеголев: - Да, звук был очень плохой. На сцене, правда, немного

получше, а в зале...

Джексон: - Так там звукооператоров пятьсот человек было: Немиров, Шапа... /смеется/

В: - Я смотрел видеозапись с концерта - паршиво было. Правда, эта запись была сделана с балкона.

Джексон: - А я у Борисов из "Шумелая Мышь" смотрел запись, сделанную из зала - нормально...

М: - Джексон, а как дальше будут складываться твои отношения с "Инструкцией"?

Джексон: - Я собираюсь с ними поработать.

М: - Без отрыва, так сказать, от КН?

Джексон: - Да. В этом ничего страшного, по-моему, нет...

М: - Конечно, нет. Ромычу надо помогать. Он - мужик хороший.

Джефф: - Хороший!

М: - Плохой человек не может писать хорошие песни.

Д: - Ты какие имеешь в виду?

М: - Последние.

Д /решительно/: - Последние - полное говно! "Стая воронов" и все прочее. У него самая лучшая песня - "Суицид". А последнее все - говно!

М: - Почему ты так считаешь?

Д /долго думает/: - Они слезливые.

М: - Они вообще другие. А ты не любишь слезливые песни?

Д: - Мне нужна энергия.

М: - А вот в них русская струночка чувствуется. Слеза - это и есть русская струночка... Ведь мы же - русские люди!

Д: - Русская струночка - это частушка.

М: - Романс, может быть...

Д: - Романс - это полное говно! Русский романс - это просто слезливая хуйня.

В это время Кирилл с Пупой самоотрешенно распевают "Поручика Голицина"

Д: - Белогвардейский романс - то же самое!

М: - Ямщицкий...

Д: - Нет, ямщицкий романс - это другое... Это - рабочие дела... Человек едет... Он на работе... Ямщицкого романа нет. Воровской романс еще есть - ранний Высоцкий.

М: - А вот на чем ты воспитан из музыки?

Д: - Ну, "Клэш" нравятся - они очень классно играют. Они на самом деле дурачки - ну, и хорошо. Мне приятно их слушать!

М: - Джефф, а где ты сейчас работаешь?

Д: - Я занимаюсь гнуснейшими и пошлейшими делами - работаю сторожем!

М: - Ну, почему же пошлейшими?! Замечательная работа! Я три года сам сторожил, и считаю это время самым плодотворнейшим, самым благодарнейшим. По отдаче. Я бы и сейчас пошел сторожем работать - не берут. Говорят, дефицитное место!

Д: - Я это место просто не оцениваю...

М: - Напрасно. Я столько в то время читал!

Д: - Читать надо. Очень люблю читать, постоянно читаю... Приходят работяги общаться. Те, кто жаждет живого слова... Ищут истину... Обычные дела... И очень сложно отключаться, хотя, с другой стороны, это очень просто... Впрочем, разговор-то совсем не об этом!

М: - Да. Вот чему я рад - что ты снова появился в музыке!

Д: - Нельзя сидеть, понимаешь...

М: - Джефф, скоро всем будет хорошо. Мне по секрету сказали, что Вавилон падает!

Д: - Так не будем ему опорой!

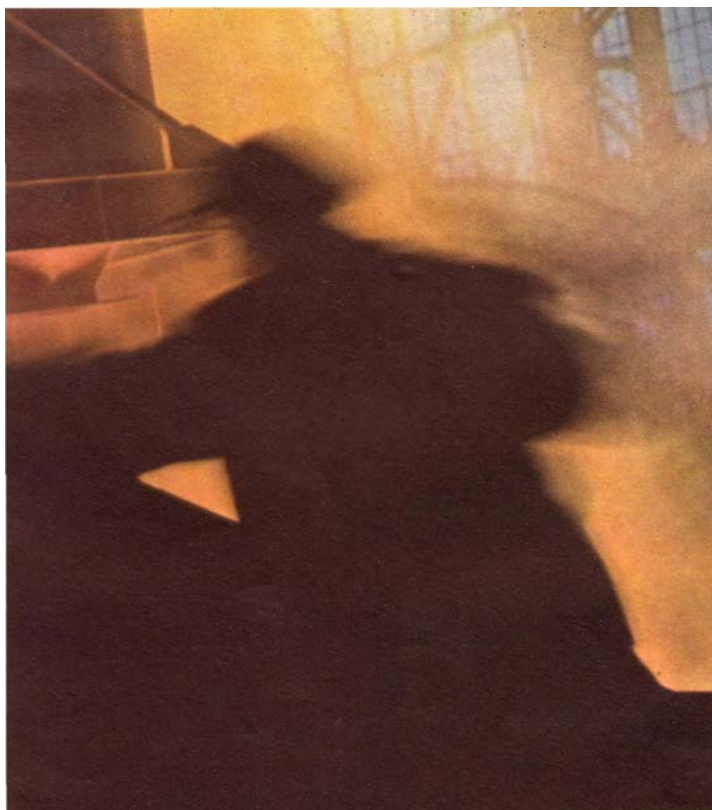
М: - Ни голову, ни плечи подставлять не будем! И все будет хорошо!

Ишим 24/25.10.92 г.

Примечания:

* - Дождались! На фирме "ТАУ Продукт" /экс-ЭРИО/ вышел двойной диск "Гражданской Обороны" - "Все идет по плану", включающий в себя 24 песни из разных альбомов и 6 стихотворений, в авторском исполнении.

"В нашей умственной жизни резко выделяются от остальной массы то направление, в котором заключается наша действительная сила и на которое со всех сторон сыпятся самые ожесточенные и самые смешные нападения... Худы ли, хороши ли их убеждения, но они у них есть, и они ими дорожат; когда можно, они проводят их в общество; когда нельзя - они молчат; но лавировать и менять флаги они не хотят, да и не умеют. Доля их кажется большинству незавидной, но им много помогает переносить все невзгоды то обстоятельство, что они уверены в себе и любят живую, сознательную любовью свои идеалы. Их не удивляют и тем более не раздражают комедии с переодеваниями, разыгрываемые нашими публицистами; в глубину отечественной учености они не верят; красотой отечественной беллетристики не восхищаются; к одним проявлениям нашей общественной жизни они равнодушны, к другим относятся с самым спокойным, глубоко сознательным и совершенно беспощадным презрением. Да и может ли быть иначе, когда в литературе, как и в обществе, целая пропасть отделяет их от официозных и патентованных наставников массы? В литературе

они стоят совершенно в стороне от остальной толпы и не чувствуют ни надобности, ни желания приблизиться к ней или сойтись с ее искусственными представителями на чем бы то ни было. В обществе они не боятся своего нынешнего одиночества. Они знают, что истина с ними, они знают, что им следует спокойно и твердой поступью идти вперед по избранному пути и что рано или поздно за ними пойдут все".

Писарев Д.И. /1863 г./

ЖИЛКИН ВЛ.ВЛ. СТИХИ.

* *

он любит жизнь и думает это не ново
она любит смерть
он повторяет все снова и снова
она тушит свет

он не хочет чтоб она кончалась
она сказала: все равно
он требует чтобы она осталась
она мертва уже давно

* *

Ночные покаяния.
Дневная суета.
Смешное состояние.
Черта. Еще черта.

Изысканно. Недвижимо.
И раз. И два. И три.
И, танцем поколышены,
чуть плачут фонари.

На черно-белой радуге
танцуем Вальс Огня.
Печаль мешаем с радостью
сегодняшнего дня.

Пустые расставания,
Наполненности встреч
видны на расстоянии
слегка пониже плеч.

* *

Анатомия рассудка

Нескончаемые сутки

Непрожеванная каша
Наполняемая чаша
Неразменная копейка
Одинокая скамейка

Подползающая старость
Подстрекающая самость
Подытоженные мысли:
Два ведра на коромысле.

* * *

Убить на рассвете учителя,
Уйти одному в пустоту.
И в роли пассивного зрителя
Средь звезд созерцать красоту.

Любовь обнаружить монадою
И в грудь положить напрямик.
Собраться всемирною радостью
И запечатлеть миром миг.

Скатиться на дно, где ни лучика,
отдаться тому, кто рогат.
И вместе с учителем мучиться
В ущелье гранитных палат.

МЕРЗИКА

Психиатрическое панотомическое лит-приложение к журналу
АНДЕРГРАУНД

ДЖЕРРИ ГНОЙС

ЧАРЛЬЗ СКЛЕППЕРСОН

" ПОГАНАЯ ПОВЕСТЬ "

От редакции: Автор повести Джерри Гнойс имел возможность долгое время общаться с одним пациентом клиники Редкозубьева - старожилом города Древнепохабинска. В беседах с этим почетным старцем писатель познавал легенды Древнепохабинска, а также быт и нравы жителей города, что стоит на месте упоминающейся в повести деревни.

Книга написана живым человеческим языком, отличается глубоким псинелогизмом, вызывает неадекватные реакции. Рекомендуются широкому эллипсу читателей.

Все географические названия в повести изменены.

По счастливой случайности, эта рукопись, преодолев множество границ и тысячи километров, обрела пристанище в нашей редакции. Текст приводится без изменения, с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Ведутся переговоры с наследниками творчества графа де Синистра (автор черных романов "Размышления приведенья", "Торжество Торквемады", сборника мистических, некроромантических новелл и книжки леденящих кровь детских сказок "Анютини Глазки"). В случае удачного исхода переговоров читателя ждет встреча с бредовыми порождениями изошренного воображения графа де Синистра.

Пишите, продолжать ли публикацию историй о приключениях Поганкина, ибо библиотека о нем насчитывает несколько десятков толстых томов.

ПОГАНАЯ ПОВЕСТЬ

Догорающая, умирающая свеча, чей трепетный свет оживлял таинственные своды подземелья, выхватывала из мглы груды мусора и гниющих объедков. Пора поведать миру о эзотерической жизни деревушки Кислодрищенки. Пора!

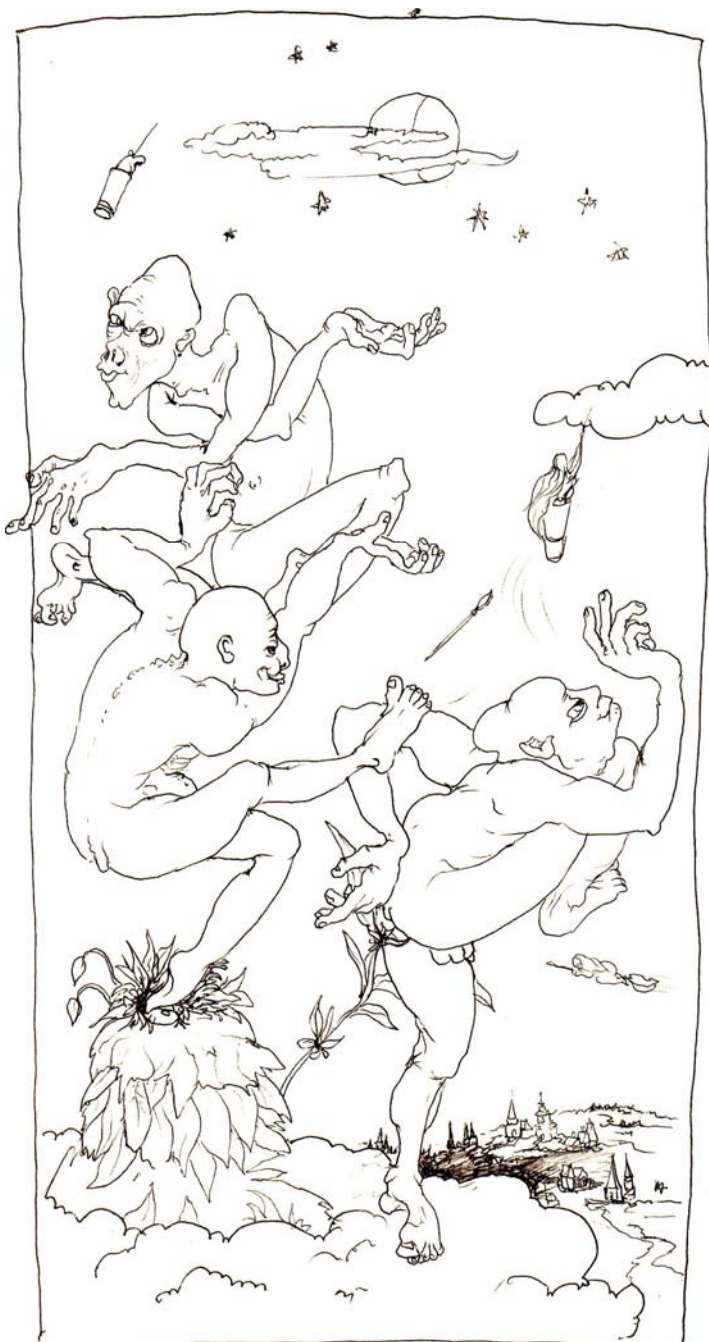
Леса, бурелом, болота со зловонной водой, кучи мерзких насекомых, уродливые лачуги, населенные удивительными людьми - такова Кислодрищенка. Жизнь там текла беззаботно и гнусно. На рассвете большинство здоровых, могущих передвигаться поселян отправлялось на болота за слизняками и болиголовом. Они унылой толпой человек в шесть брели с корзинами на плечах. Сами корзинки ходить не могли - страшная костоеда подточила напильником их недуги.

Тихо и размеренно текла в Кислодрищенке жизнь. Правда, в ее зеленой воде утонула прошлым летом деревенская красотка Параша, после чего вся рыба там погибла, но это не могло испугать кислодрищенцев.

- Эти трупности нас не страшат, - мычали мужики и жабы.

Вы спросите о названии деревни? Это - страшная тайна. И кланы Кислодрищук, Кислодрищевых и Злопоносьевых хранят ее свято.

На зеленом пригорке в уютном сгорбленном домике жил самый умный и красивый в деревне мальчик, носивший звучное имя Колька и гордую фамилию Поганкин. Он, помимо всех прочих достоинств, умел не только думать, но и говорить. Колька мечтал о красоте вселенской. Мечтал научиться танцевать. Порой, заперев дверь на крюк, он изящно пошевеливал молодецкими ногами и пускал слюнявые пузыри, что слизистой кучей потом чавкали в углу под кроватью. "Музыки хочу, музыки!" - шептал Коля, оплетая пальцами рук ножку кресла за его спиной. Желание вымотало его, и Коля, отбросив сомнения, с трудом вышел из своей хижины и направился к сараю, где в беспорядке им бережно сохранялись вещи клана Поганкиных, представителем коего был он - Николай Последний. Он пересек старое гумно и очутился перед величественным зданием сарая. Высоко в небо уносились нестроганные стены, навеявая мысли о вечности. Коля задрожал. Пришлось тяжело приналечь на дверь. И вот под давлением острого сухонького плечика она распахнулась.

- Вот оно, настоящее богатство, - думал Коля. Чего там только не было, и всё представляло огромную ценность. Пузатый бочонок прогорклых сухих грибов, стопка прессованных верблюжьих лепешек, комплект кротовловных удочек, веревочная петля, на которой повесился его, колькоин, прадедушка, коробка с подвенечными лохмотьями бабушки, что не снимала их до самой смерти - в память о муже, который на свадебном пиру объелся моченой брюквы и умер, истекая секретами. Была там и ученая книга, и запечатанный клейстером огромный сундук, скелет осьминога, смрадные уключины, бутылка ослиной мочи, коробочка тухлых черепаших яиц и многое другое. Но цепкий взгляд Коли выхватил из всего этого изобилия маленький черный гробик с ручкой на крышке. Прямо посерединочке, вот те крест...

Первым желанием было, разумеется, поскорее открыть крышку, но тут же возникло

опасение - мало ли что может быть в сокровищнице предков... Колька трижды плюнул на пыльный пол, забил в ноздри добрую понюшку сушеных паучьих лапок, склизко чихнул и стремительно, минут за десять, обернулся пять раз вокруг себя. Страх развеялся. Судорожно сжимая в скрюченных пальцах ручку гробика, Колька поспешил домой.

- Музыки, музыки хочу! - хрипел Коля, величаво переступая своими разлапистыми ногами через устрашающие коровьи лепешки, обильно покрывавшие все дороги Кислодрищенки.

- Страною все это, - размышлял мальчик, - ведь ни у кого в деревне нет ни одной коровы. Как таинственен мир!

Находясь на самом дне глубокой задумчивости, Коля медленно брел не разбирая дороги и вскоре, споткнувшись о чью-то ногу, торчавшую из земли, полетел вниз головою в сточную канаву.

- Вот те раз, - пробормотал бедолага, отплевываясь от каких-то подозрительных скользких хлопьев, что повисли на его лице. Что скрывать, он бы с удовольствием, как любой мальчишка, в жаркий июльский вечер понырял и покувыркался бы в прохладных, густых струях канавы, но тревога за гробик заставила Колю выползти из манящей влаги и, взяв в руки поклажу, устремиться вдаль по дороге, залитой шафрановыми лучами тонущего в неге солнца. В небе порхали шестикрылые восьмиклювы, а в тени деревьев, окружающих дорогу, с ветки на ветку планировали грациозные змеилетяги.

- Ах! - вздохнул Колька Поганкин, - Жизнь восхитительна и непостижима, но любит ли она меня так же, как я ее? Конечно, да, иначе у меня не было всего этого - ни коллекции жуков-могильщиков, ни ветра с ароматом навоза и болиголова, ни восторженного танца лягушек, ни ночей, наполненным комариным мазохизмом, ни всего того, отчего иногда так сладко замирает в груди...

Пока Колька размышлял, тропинка привела его в глубь леса, на зыбкое Предболотье, где он не раз бывал. Беседы с жителями деревни не могли дать пищу пытливому уму мальчика, а на Предболотьи, в древнем замшелом доме жила давняя подруга Кольки, умнейшая женщина - тетка Драздраперма.

Пройдя по чавкающей трясины, где однажды увязли его последние онучи, Колька остановился под окном.

- Бабушка, - тихо крикнул он, и вскоре в окне возникла хитро ухмыляющаяся физиономия хозяйки дома.

- А, это ты, дружочек. Что ж, входи, входи... - с этими словами она выкинула из окна веревочную лестницу. Это было суровым испытанием для Кольки, что с детства страдал рахитом и церебральным параличом. Мальчик шмыгнул носом, грустно преступил клешнятыми ногами и, отчаянно вцепившись в лесенку, громко завопил: - Тащи меня, бабуля!

И вот наконец оба приятеля сидят на полу избушки - под окном - тяжело отдуваются и радостно оглядывают друг друга.

- Проходи, коль пришел, - несколько запоздало всплеснула культиями старуха. Колька обрадовано засопел и взгромоздился на приземистую лавку, стоявшую в углу.

- Я вот что пришел-то, - начал он. - Ты же знаешь о моей мечте заветной. Музыку придумать хочу, чтоб, стало быть, душу очищала и мир переворачивала! Так вот, нашел я в сарае гробик непонятный. Веришь-нет - как увидел его - страшно сделалось. Вот и прибежал к тебе, милая Драздраперма, авось, думаю, поможешь...

Сказав все это, Колька нелепо выгнул руку и, выудив из мохнатенького уха зеленоватого слизня, отправил его в рот.

- Да ты никак голодный, касатик, - заухала Драздраперма и принялась лихорадочно метаться по избе, собирая на стол.

Колька отведал фаршированных грибами крыс, пирожков с душистыми подкишоками, поел неструганых и запил настойкой из корней Медвежьего носа. Сыто икая, Коля глянул из-под надлобья на старуху оставшимися двумя глазами. Третий он потерял полгода назад. Виной тому - Любовь.

Дело в том, что Коля был не только самым умным в деревне, но и самым красивым. И однажды в него влюбилась

некая девица по имени Агриппина. Она подъехала по ухабистой дороге на скрипучей тележке, заменявшей ей ноги, к сидевшему на скамейке Коле, остановилась и знаками принялась показывать Коле, что она испытывает к нему и о чем грезит. Лицо ее искажали жуткие гримасы, телодвижения были омерзительны, а перепончатые руки похотливо тянулись к

удивленному мальчику. Коля был добрым мальчиком. Он отвернулся, когда его стошнило от этого зрелища, а после, повернув побледневший лик к девушке, очень мягко и вежливо молвил:

- Милая Гриппушка, ты, конечно, очень славная барышня, но я решил посвятить свою жизнь служению Богу и Искусству, и поэтому, увы, я не могу ответить на твои теплые чувства.

Услышав и поняв все это, девушка вспыхнула, задержалась всем своим студенистым телом и, огласив окрестность утробным воем, злобно сморкнула в лицо Коли, а затем, запустив в свою глубокую пасть руку, вырвала, огромный догнивающий зуб и, наполнив вечерний воздух смрадом, безжалостно швырнула мальчику в нижний глаз.

Но это была романтическая ретроспекция, а сейчас Коле предстояло открытие - старуха, убрав посуду, положила на стол заветный ящичек и, таинственно поглядев на Колю, вынула из-за пазухи щупальца и открыла крышку. Там, в глубине, на мягкой черной подстилочке покоилась странная вещица. Полая внутри, не очень толстая, блестящая и красивая деревянная коробочка с длинной черной палочной и четырьмя веревочками - одна тоньше другой, - натянутыми вдоль ее изящного тела.

- Вот это да! - простонал потрясенный Колька, - Что ж это, бабушка?

Та задумалась. Тяжело проковыляла к сундуку, извлекла из него книгу и, сдув пыль, сунула в нее хобот. Колька зачарованно ждал.

- Скрипка это, касатик, скрипка...

Темная душная изба, пропитанная мерзкими запахами старушечьего тела и ее же снадобий, словно озарилась. Поганкин сиял.

- Вот тебе твоя музыка, Колька. Сейчас главное научись с ней разговаривать, полюби ее, скрипку-то, а там, глядишь, и сыграешь что-нибудь старушке.. - Проурчав это, бабка промакнула языком глаза. Маниакально ослабившись, Колька, прядая перепончатыми ушами, повернулся спиной к футляру и, выгнув тонкую шею, потянулся руками к скрипке. Преодолев неудобства своего удивительного тела, Поганкину удалось, наконец взять инструмент в руки.

- Будьте осторожны со мной, юноша, - зашептала скрипка. - Знайте, я не терплю неблагодарного обхождения. Отцом моим был великий мастер Николо Сломати, он жил когда-то в Кривоне. Пению моему внимали короли и их придворные. Я заставляла их смеяться, как безумных, и рыдать так, словно они стоят над своей собственной могилой. Моих струн касались гениальные пальцы Джованни Каструччо, виртуозный

смычок маэстро Некрофиллини. Граф де Бреньи чуть не сгубил меня своей колдовской игрой... Вам, мой мальчик, выпала великая честь, но я верю в ваш светлый дар...

Пока скрипка говорила, Колька только всхлипывал, но в конце тирады чувствительный мальчик не смог сдержаться слез, и они градом покатились из его вывороченных ноздрей. В избе Драздрапермы воцарилась сказочная тишина, только старый крокодил Филимон громко хрупал в загоне чьими-то костями, да болезненный ящер Панголин безмолвно бился своей головой о чугунный чан с помоями, стоящий на кухне. Беднягу мучила ностальгия по любимым Голо-Погостским о-вам.

Первым нарушил молчание Поганкин.

- Пусть мировое проклятие обрушится на мою голову, если я причиню тебе, любимая, хоть тень боли!

Для пущей торжественности этой клятвы Колька решил встать на колени, но его клешнятые ноги внезапно заплелись, зацепились друг да друга, и он рухнул на люк, ведущий в подполье, увлекая за собой стол, стулья и старуху. Жуткий грохот наполнил угрюмое жилище Драздрапермы.

Когда осела густая пыль, пришибленная хозяйка увидела зияющий провал в полу, откуда доносились сдавленные стоны и рыдания. Скрипка - целая и невредимая - лежала рядом с футляром, что был разнесен в щепки остроконечной головой Коли. В трудные минуты, когда речь шла о чем-либо очень важном, Колька гордо вскидывал голову и изрекал: "Клянусь своей треуголкой!".

Старуха свесилась вниз, словно плющ, и дико заорала:

- Ты цел?

- Я-то цел, - провсхлипывали в ответ, - а вот она-а-а...

- Ну, и она в порядке, - поспешила успокоить Драздраперма. Спустя несколько минут колькина голова закачалась над провалом. - Эх, вот бы выбраться, - вздохнул он и умоляюще посмотрел на добрую Драздраперму. Та протянула ему свои натруженные морщинистые культи. Запылившийся Колька, вцепившийся в них своими крючковатыми пальцами, был вскоре извлечен из глубокого подполья, где произвел крупные разрушения.

Выбравшись из тьмы, пахнувшей плесенью и мертвецкой слюной, Коля стремглав бросился к скрипке. "Сейчас свершится", - мелькнуло у старухи. Встряхивая и помахивая для разминки руками, начинающимися, в силу своеобразной колькиной конструкции, немного ниже спины, он, облизываясь, смотрел на скрипку.

- Наконец-то ты в моих руках, - молвил мальчишка и, сильно скосил глаза, чтобы лучше видеть свою мечту. Скрипка насторожилась, не увидев той привычной картины, что открывалась ей, когда ее прижимали к подбородку.

- Мальчик мой, - заволновалась она, - я должна находиться у вашего лица, поближе к ушам, а Вы, я вижу, собираетесь прижать меня к совершенно иному месту.

- Не волнуйся, мое сокровище, - у меня там тоже есть уши, - поспешил утешить скрипку Колька.

И вот смычок, подрагивающий в змеящейся руке Поганкина, коснулся таинственных струн. Неземные звуки наполнили дом старухи и все окрестное Предболотье. Пальцы музыканта плясали на грифе, как веселящиеся черви на кладбищенском пиру. То порхающий, то грузно ползущий смычок, казалось, вызывал к жизни сумрачные видения потустороннего мира. Колька победоносно оглянулся на Драздраперму. Она тяжело сползла на пол с огромного гроба, служившего ей кроватью. Глаза ее вот-вот должны были выпасть из орбит, на губах выступила желтая пена, а из пасти вырывались сопенье, хрипенье и клекот.

- Ей нравится, - подумал Коля, - Ура!

Время словно остановилось - затих несчастный Панголин. В окна, затянутые бычачьими пузырями, заглядывали сумерки. Все притихшее Предболотье торжественно внимало неведомым звукам, несущимся из хижины старухи. Последняя уже перестала биться в конвульсиях и величественно темнела на скользком от плесени полу избы. Пожелав ей спокойной ночи, Колька добрал до окна, перевалился через подоконник и с мерзким хлюпом шмякнулся в трясину, не выпустив, однако, скрипки из рук. На всем пути до Кислодрищенки мальчику не встретилось ни одного дикого зверя. Деревья словно расступались перед ним. Даже злобный колючий Дерьмоцвет / _____ / не простирали к нему свои смердоносные ветви. Но вот Колька с трудом перебрался через овраг, и взору его открылась живописная любимая деревушка, окутанная сонным вечерним туманом. Поселяне уже расползлись по землянкам, где предавались каждый своему любимому делу. Некоторые варили душную похлебку из корней плодов болиголова, чтобы потом, разумеется, съесть ее. Кто-то сладостно и нечеловечески обильно испражнялся, а кто-то незатейливо и тихо размножался. Коля доковылял до центра Кислодрищевки, где остановился в задумчивости перед огромным амбаром, где когда-то хранили пузыри с болотным сероводородом, которым, по традиции, обдавали невест непосредственно перед свадебной церемонией. Будучи не в силах ждать до утра, мальчик, бормоча "отсюда меня услышат все...", потянул за дверную ручку. Перебравшись через порог без всяких приключений (разве что куча слежавшегося помета летучих жижи ужей ссыпалась за шиворот), Колька попал в теплую волну зловонной амбарной мглы. С потолка на веревках, словно сказочные плоды, свешивались сморщенные, опустевшие пузыри,

напоминая о забвении традиций предков, а в углу с пола убегала вверх старая скрипучая лестница. Коля оробел - лестницы всегда вызывали у него чувство страха, тревоги и стыда. Однако непреодолимое желание подарить людям музыку заставило скрипача отринуть страх и устремиться по лестнице вверх, к небу! После изнурительного подъема, стоившего Поганкину сломанного носа, восьми выбитых зубов и вывихнутого пальца на ноге, он оказался на чердаке. О, сколько раз во время своего восхождения он рисковал не только собой, но и скрипкой. Его клешнятые ноги неуклюже цеплялись за ступеньки и перила, дух захватывало от двухметровой высоты, скрипка трепетала в руках, но, к счастью, все уже позади. Коля подошел к глуховому окну и распахнул его, впустив в амбар свежесть ночного болотного бриза. Несколько мгновений спустя над деревушкой поплыли облака, сотканые из дивных неведомых, звуков.

Усопшие были люди повскакивали с лежанок и недоумевающей толпой поспешили к источнику таинственного шума. Многих из них уже по дороге охватила благоговейная дрожь, и все же они, подстрекаемые любопытством, сумели найти в себе силы, чтоб добрести до амбара. Вот и он, а в окне... залитый лунным светом прекрасный и волшебный силуэт Кольки Поганкина.

Боже, как он играл! Казалось, что небо упадет на землю, чтобы быть ближе к этому мальчику. Колька словно преобразился - лицо его светилось изнутри, и весь он как будто стал выше ростом под действием своих собственных чар.

Люди, стоящие у амбара, впали в транс, в экстаз, в прострацию. Они уже не были теми, кем были накануне, вечером, ибо эта ночь могла изменить, и изменила все. Так Колька никогда еще не играл - даже у него из всех отверстий лились слезы, а внизу происходило что-то невероятное. С первыми лучами солнца Коля, истощивший свои духовные и физические силы, рухнул в обморок, а поселяне разбрелись отрешенно по домам. В течении дня каждый третий житель деревни покончил с собой, каждый второй сошел с ума, остальные - задумались. Колька пропал неизвестно где. Потом его, очумелого и голодного, нашли, разумеется, - он, свернувшись клубком, спал в подвале дома Драздрапермы. Но это уже другая история.

А в ту ночь в небе над Кислдрищенкой вспыхнула и засияла огромная изумрудная звезда. Ее свет пробил брешь в зловонной атмосфере Кислдрищенки и, сойдя со своей орбиты, Звезда устремилась в параллельные пространства. И вот в ночь на 27 октября 1782 года ее взор упал на дремлющий прекрасный город, имя коему - Генуя. Звезда запечатлела свой поцелуй на челе родившегося той ночью мальчика, чье имя алмазными буквами блещет на мантии ее величества Музыки - малютку нарекли Никколо Паганини.

* * *

На фото:

Александр Андриюшкин, 1992 г.

ПОДЛАЯ НОЧЬ ЦИКАБАНКА

Когда это произошло?

Где?...

Да зачем вам все это нужно?!

Достаточно того, что ЦИКАБАНК есть. Каждый рождается в свое время.

Мечты пересекаются законом

А и Б сидели на трубе...

ЦИКАБАНК. Это слово напоминает детство. Мое время прошло в энергетическом поле этого необычного здания.

ЦИКАБАНК. Первый многоэтажный жилой дом в Ишиме. Построен в 30-е годы. Огромные окна, высокие потолки, мрачноватый...

ЦИКАБАНК. По задумке, название группы должно было отражать ее коммуникабельность. Участники проекта являлись как бы "жильцами" этого дома и могли предоставлять как свой индивидуальный материал /музыкальный, текстовый, оформительский и т.п./, так и работать над общим. Жильцы могли выезжать из дома, менять прописку, освободившуюся площадь заполняли бы новоселы со свежими идеями... Нормальная жизнь. Но как-то так получилось, что заселившиеся однажды люди со временем почти все выехали, и квартиры остались пустыми. Такое вот сложное время. Жилищная проблема со знаком "минус".

* * *

И как обычное явление - постоянные разговоры о "смерти" ЦИКАБАНКа. Трудно представить, что в группе может быть всего двое человек. Хоронят все, кому не лень. Кто-то, сочувствуя, кто-то ликуя, наверное... Пусть их!

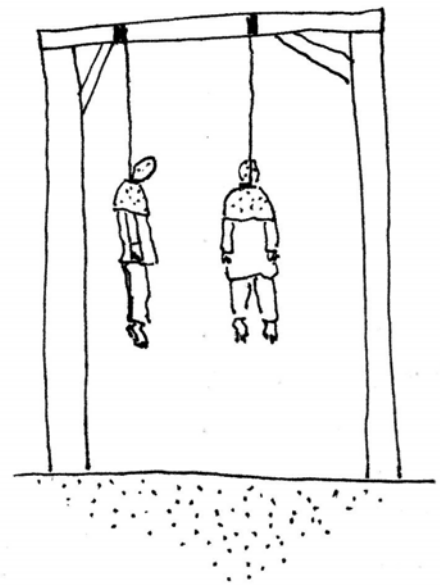
А мы тем временем воскресаем из "мертвых". С каждой новой сделанной песней. И это приятное занятие, черт побери!

* * *

...опираемся на плечи друзей, одновременно пригибая их к земле тяжестью своих проблем. А сами - выпрыгиваем вверх. Там - над головами - воздуха побольше, солнца... И теряем их, друзей. На этом и зиждется... Осточертело все!!...

Когда Диме особенно плохо, он рисует вот такие картинки. Это у него называется "вешать декабристов". Повесит десяток-другой - глядишь, оно и полегчает. Я как-то спросил: "А может, это и не декабристы вовсе, а демократы?" "Может, и так, - был ответ, - Только кто ж их разберет с мешками на головах..."

* * *

...боремся со своим "я", сжираем себя изнутри - на радость окружающим. И называем это Творчеством. Я называю это стихами.

Борьба за место под солнцем?... Это нам-то, сидящим в глубокой яме погребальной действительности? Смешно все это...

Люди, люди, дела, снова люди...

Вакуум - как Божья милость

Случай - как перст указующий.

Ничто не случайно. Все в этом мире работает на конкретную цель.

Хорошо, если об этом догадываешься рано.

"Не заботься о дне завтрашнем..."

И это - кратчайший путь

* * *

Замечаю вот какую вещь. Люди, познакомившись с моими песнями-стихами, через некоторое время теряют со мной контакт. Теряют не случайно. Это произошло почти со всеми моими друзьями.

Осознавая, какая струя несет сейчас ЦИКАБАНК, я считаю эту "блокаду" нормальным процессом. Защитной реакцией здорового человека от мыслей, уводящих его в сторону, противоположную жизни. Для них эта противоположная сторона - Смерть. А я - человек, ее поющий.

В народе испокон веков не любили, не признавали самоубийц, обделяя их тела землей и памятью - как будто это могло что-то изменить...

Несомненно, Смерть присутствует во многих моих стихах, но не как итог, а как некий рубеж, переломный пункт. Выход, наконец. Смертью дело не кончается. Я знаю это совершенно точно.

Кирилл неправ. Будущее есть. Нет настоящего. Все - будущее. И прошлое - это будущее. И живем мы непонятно где. Скажешь: не живем - и все становится на свои места:

- а/ мы не живем
- б/ все - будущее

И не ко двору, и не к Дьяволу - "просто все уже было"
И завтра было
Хочется хотеть все время быть
самим собой
Мир быть самим собой

* * *

Когда еще наши партийные отцы называли рок сатанинской музыкой... Надо отдать им должное - они были дальновидными, наши отцы. Заглянув на столько лет вперед, нарисовали путь, по которому пошел русский рок, пропитанный идеями неприятия и суицида. А ведь это течение можно было прихлопнуть еще в колыбели. Так нет же - кокетничали с Майком, грозили пальчиком Жарикову, уговаривали Летова... Упустили. "Семена анархии дают буйный рост"... Нате! - "На столбы бы всех вас!!!"

Кто из нас более праведник?
Кто из нас менее грешник?
Окольным путем я иду ко Христу,
и капля вина - словно кровь на рубахе...

Летов, сволочь, и твоя вина в том, что я стал таким, какой есть! Вот ты у всех
прощения просишь, а я тебе не прощаю. Простить - значит, понять. А я не могу
- кишка тонка... Но Неизведенное зовет и оправдывает. Зовет непонятно куда.
Оправдывает твое же Незнание, которое неизмеримо глобальнее навязанного
когда-то знания. Потому - желаннее.
Кончается бабье лето...
Наверное так надо

* * *

Ежечасная спешка убивает. Не успеваешь построить дом, посадить дерево... И
в итоге опаздываешь жить. Все время кормишь в себе раба. Чтобы однажды,
сыто отрыгнув, он воткнул тебе в спину нож. Говорят, это не очень больно...

Наша Родина - это Свобода.
Свобода от. Свобода для. Свобода во имя чего?
Свобода в том, чтобы не отвечать на этот вопрос.

* * *

М.БАРДИН. СТИХИ.

По белому свету
с зажженной свечей -
к Лобному месту
С надломленной ветки сукровь течет
сока вместо
Бредем уподобившись смердам
постигая по мере сил -
Христос - как причина насильственной смерти
в добрейшей Руси
О счастье птица поет
ей внемлют послушные звери...
А мы - все врастаем в лед
в проруби медленной веры

* * *

Научно-техническая революция,
не принеся людям счастья
Руки, глаза
и другие штрихи гениальности
Миллиард творческих личностей –
это воистину конец света!
Ежегодно уничтожать
каждого десятого ученого,
поддерживая тем самым
баланс мироздания

* * *

Любовь - как причина болезней
навыючивает на нас свои сны
и влюбчивости слабые колени
дают отсчет очередной весны
Любовь - как оружие массового уничтожения
она разрушает миры
Но мы ждем ее губительного вторжения
убивая первых -
чтобы любить вторых

* * *

... и женщины наши
сгорают, как падшие листья
в осенних кострах.
Их мучает страх
закружиться в шопеновском фарше
и сгинуть,
увы, не отведав свободы паренья...
Полночные бденья
тем временем перерастают
в вечерние странности,
и смотрит с укором Сталин
на блудную няню старости

* * *

Жизнь - как телеграф:
на одном конце линии Любовь
на другом - человеческий труп
Между ними -
празднично обставленная Ненависть

1992 г.

ИЗ ЗАКРОМОВ из закров из закров из закров

Построил дом, запер снаружи, влез в форточку и занавесочку задвинул. Вот и заворчали, заворчались, полезли мысли нараскоряку - вкривь да вкось. Смотришь в зеркало - себя не узнаешь уже, потом ходить становится невозможно. Только легкие воздух гоняют туда-сюда. Комары пищат, баба с косой храпит на диване в своем заляпанном саване. Ждет чего-то. Руки у нее чешутся, наверное. А внутри только икота до рвоты и холод. Иней внутри, как шуба. Дрожь и слова в рядах, как колья в заборе. Острые колья, но низенький забор-то - раз и перепрыгнул... Болит внутри бессилие свое, режутся коренные зубы обреченности. Мы настолько больны, что даже ожидание смерти не лечит раны, мы так заболели, что даже ран своих не ощущаем. Нервы умертвились раньше плоти. Притуплена не только ориентация в пространстве, но и сознание его. Информативный фон, наступающий извне в нас, настолько неразборчив, насколько неразборчив он в засоренном пространстве. Истины свешиваются с их отрицанием и преподносятся, как единое целое. Галлюцинации завладели сознанием, и невыносимо трудно отличить ложные образы от Света, Мира несущих. Теперь на Земле свой свод законов, теперь суть бытия не в творении, а в спасении. И все тут связаны одной веревочкой. На всех одна беда. И одному до берега не доплыть. Нужно помогать отстающим - ведь связанные бревна плотом называют, а не бревнами, но есть и свобода - утонуть. У слабых отрастают зубы, и они перекусывают веревку. Можно вернуться и догнать тех, кто все еще приближается к берегу, от которого по заблуждению когда-то отплыли, на дырявом корабле. Можно догнать их, если вода еще не заполнила легкие, если кровь не остыла в остановившемся сердце, если процесс разложения еще не зашел слишком далеко, если ты не прихватил с собой на дно еще кого-нибудь, и теперь тебе не приходится тащить за собой их, тянущих камнями вниз. И может быть, страшно жить человеком. Но кто скажет, как живется не им.

Но если жить человеком на земле, как в небе, то житие это жизнью будет. А если жить на земле и хотеть в небе жить также, то страшная это жизнь. Беспросветная и жестокая, обреченная, одинокая, бессмысленная. Не сказать о небе, что оно прекрасно, значит, не уметь говорить. Но сказать можно видя. Ведь все, что происходит в человеке, моментально отражается в окружающем мире. Все находит свое место. Куда идешь, там и будешь. И вечность наступит только тогда, когда не будет сносок на завтра. И каждый день станет последним и единожды прожитым. Как все это прекрасно, но толкается в голове Она, о том, что завтра я все равно проснусь, и есть хочется, и гопники в подъезде цепляют. И как жить это завтра? А хрен его знает?! Жить - грешить. Грешить - жить. Одно не грешно - с ума сойти, чтобы спросу поменьше было. Вот оно, это утро, уже маячит во дворе. А я еще не сумасшедший. Как с него сходить-то, с ума этого. Может, и не надо уже? Может, вчера уже... А что вчера?! Вчера было то же самое - один из углов треугольника четвертой стороной триединства, и сказать про него можно всего лишь чуть-чуть. Так скрипят жницы внутри плоти, вытягиваясь и собираясь в комки. Деформируясь так, как хрустят кости, дробясь и рассыпаясь мукой Млечного пути. А если посмотреть на него не с Земли, а откуда-нибудь сбоку, то там будут совсем другие созвездия. Смотреть на них и жить с теми, кто там, кто так далеко, что руки протянутой не хватают, чтобы достать до них, и проводить время по этому пути. День сегодня какой-то странный. Чего-то все вспоминается и вспоминается. Близится что-то. Грохочет громом из-за леса, дрожит землей под копытами почтовой тройки. Стоит свечкой незажженной, за упокой и землю пухом. Молчу весь день вчера. Как и в прошедшие минуты трудов. Спросил у матери фотографии свои, а она не дала. Говорит: "Это все, что осталось". От чего осталось? От меня осталось? От того, кто был позавчера. А вчера что же я? Вчера остановились часы на руке и на стене. Одни в 15.10, другие - в 18.48. Один друг чуть не пропал. Другой сказал, что я скоро умру. У третьего апатия. На левой стороне щетины было больше, чем на правой. Голубь в окно стукнулся. Чем больше не хочется жить, тем больше хочется жить. Третий раз часы встали в 21.50. А потом была ночь, и я не думал, что она ни первая, ни последняя. Я спал и не умел просыпаться.

х х х

... Я давно уже ничего не делаю, и это так. Нас уже много таких. Мы как бы это... не живем. Хотя, сказать точнее - застряли между живем и не живем, между смертью жизни и живой смертью. Ни туда - ни сюда. Ни

там - ни здесь... Дни и годы. Забыли утро, потому что ложимся под него, не помним дня, потому что встаем после обеда, не замечаем: как уже вечер, а там и ночь. Ночь, и нас нет, но где же мы? В какое место угодила душа наша, скитаясь по развалинам. И Бог есть - но весь гол, "съеден" человеком, и мир - как сухарь засохший, без вкуса и запаха.

х х х

Сейчас на Западе, насколько я знаю, ничего нет вообще. Там культуры, как таковой, не осталось. Это то, что Бердяев еще в 20-м год доказывал. У них все пошло по степени потребления некоего. Есть некий объект, причем, нормальный, который тебе подходит по эстетическим меркам, ну, в плане авангарда, например. Даже не в плане естественной культуры, а мышления такового авангардного. У них нет понятия, что творчество должно по сути некое страдание носить, потому что за все, по идее, нужно платить - не бывает без определенной платы. Они это даже понять не могут, у них эти понятия отсутствуют, потому и отсутствует понятие как бы некоего внутреннего поиска, самокопания, какого-то переживания. Какие бы ни были времена, всегда были люди, которые несли духовное начало. А теперь все рушится. Первое, с чего это начинается - с вымирания этих людей. Люди культуры умирают, когда они становятся как бы пятой колонной. Как только это происходит, определенный контингент умирает, тут все рушится полностью. Происходит такой натуральный Вавилон, начинаются СПИДы, иррациональная "бомбежка". Теряется стимул жизни на самом деле. Проверяется с точки зрения той же Казани, вот гопники воюют, и весь экстремизм происходит потому что жизнь человеческая становится все менее ценной. Не важно, за что и зачем умирать. Когда незачем умирать, тогда и жить как бы не за чем. Когда я понял это, я решил уйти от всего этого, хотя на самом деле мы тоже обречены. То, что мы делаем сейчас, не нужно никому, по большому счету. Лишь таким же как мы идиотам, сумасшедшим, не жильцам. Меня единственное в этом деле утешает - если где-то берется, то где-то же и прибавляется. Я просто прослеживал, как ни копни любую тоталитарную систему, любую деревушку, самую глухую - на определенном поселении всегда был юродивый; какой-то сумасшедший, несущий определенную духовность, культуру и т.д. А когда кто умирал, возникал следующий. Ниша не бывает пустой, всегда ее должен кто-то заполнить, в любой формации. А теперь эти ячейки не заполняются. Это напоминает массовую эвакуацию, планомерный процесс. То есть, никто не дожил из тех, кто тогда нес все это дело...

...Про себя я могу сказать, когда я начал сочинять текста, у меня возникал некий поток сознания, но через некоторое время начинает прослеживаться не то что какая-то связь, а, как мне кажется, празнание или архезнание. Эта связь - не то, что там современное заигрывание с народными делами. Это какая-то четкая вещь, связанная, скорее, с иррациональными делами мистического толка или колдовского. Вот это самое главное, что по сути это дело и питает. То, что я сочиняю последние года три, все только на этом и выезжает. Если начинаешь мыслить с точки зрения русского языка, эти метафоры, начинаешь в это дело вкручиваться, как колодец. Этот колодец или воронка - она так или иначе выводит тебя на уровень не то что коренной, но который связан с глубинным знанием. Он очень близок к национальному, это единственный корень у многих народов, может, единственный у всех, вообще у человека. Вот Д.Андреев, мне кажется, его форма предсказаний очень все упрощает. Вот ему открылось, что он пытался по-человечески, очень по-детски все сгруппировать и разделить. Эффект имеет какой-то ненастоящий. Любой сон настоящий, глубинный, начинаешь рассматривать, сам понимаешь, что это означает. Все очень сложно и неразграниченно, и тем более, говорить о каких-то вещах трансцендентных, о которых словом сказать ничего нельзя. Невозможно, если выражать, то каким-то новым языком в поэзии. Сочиняя, возникают ощущения, которые словами не передать, а потом все, что пытаешься создать - это на него указать, не более. Я сам себя не понимаю. Сейчас я просто не могу выразить, и все это не воплощается, не могу, с точки зрения песни это воплотить... Но тут такая проблема просто неразрешимая, и чем больше живу, тем не просто тяжелее, а просто невоплотимо и невыразимо. И предчувствие очень нехорошее, нездоровое. Ничего хорошего не испытывал года полтора вообще. Тот практический опыт с концертами, как некая миссия. Я почувствовал, что идет за нами. Мы являлись выражением некой силы, дело свободы, не в смысле политической или социальной, а с точки зрения христианства, очень греховное. И с точки зрения ее, это то, что мы делаем - это натуральный сатанизм. Потому что то, к чему это сводится - это проявление некой свободы воли относительно любой системы вообще, космической, какой бы то ни было. А когда начались такие простые вещи, когда народ стал вести себя как гальванические трупы, как зомби, я тут понял, что идет некая волна. И наши конверты - это зажигание фитиля, а к чему это приведет на самом деле, я не знаю, мне уже не важно. Теперь это не моя задача, но то, что я мог сделать, я сделал. А сейчас в принципе все догнивает вместе с нами, я не могу судить, что нас ждет дальше, но ощущения не очень здоровые... И их приходится всегда выражать, но на самом деле

выражаю не то, что во мне, и в прежней песенной форме не получается. Это все дело прыжков таких, это огромные такие вещи получаешь не то что бессвязные. Они по-настоящему связанные. А имеет ли смысл это показывать кому-нибудь... Выражение звуком, словом - это так или иначе какая-то форма, материя. То есть, получается, что есть некий абстрактный уровень, выше которого уже невозможно его выражать. Выразить невыразимое - лишь умять его. Все, что настоящее - оно по большому счету чудовищное, связанное с ужасом, с глубинным. Единственное, что можешь - это записать и воплотить каким-то образом. Всегда то, что воплощается - меньше, чем то, что в оригинале. Философия всегда меньше, чем образ. Можно рассуждать, апеллировать, но образ очень многогранен, и чем шире он - тем больше трактовок возникает, т.е. некая полифония, как у Достоевского, когда каждый герой прав. Культура это всегда утверждение, победа в конечном счете, перст указующий. Мне тяжело то, что я делаю, музыкой назвать. Образ как-то сам собой сочиняется, и прежде чем я успеваю на него воздействовать. Сначала идет, скажем, охота какая-то. Вслед за охотой идет осмысление - когда жертва на привале. Сначала идет некое, то, что я не могу с точки зрения сознания назвать. Ну, не знаю, ностальгия какая-то. Я последнее время охотой апеллирую или догонялками. Причем, это опасно, на самом деле - не догнать. Это связано с очень нехорошими делами, а если остановишься, то вообще кранты. Я чем больше живу, тем меньше понимаю. И потому все меньше слов, или наоборот, больше, но эти слова болтовню напоминают, такие какое-то состояние. Я не знаю, что за этим последует, Может, вообще молчание какое-то глобальное, либо должно быть какое-то указание, либо поворот. Либо наоборот должно быть что-то нехорошее. Просто чувствуешь, что все идет до какого-то развития конкретного. Вот я ощущаю приближение какой-то точки критической.

* * *

Сколько уж можно играть и петь? Если и есть то, что МУЗЫКА - то она должна быть пустынной и утробной. Все ценности и предикаты этой музыки ушли - и это надо понять. Нет музыки - любой, есть только зной пустыни и возгласы к небу.

Грядущее безмолвно, как Бог внутри нас. Тело есть зачатие души, и душа - зачатие Духа. Отсюда, из нас возрастимо сущее, выходящее гласом восходящим. Наше тело есть сон всех божественных эманаций. Здесь тело, душа, дух, любовь, Бог сплетено вместе, образуя начало, точку, где все это соединено. Ибо Бог в нас исходит нами. И кроме того, мы - есть космос видимый и зримый, в

нас вся Вселенная сконцентрирована и овеществлена, в нас все, что присуще Бытию, Космосу, Богу.

Но здесь нам дана та степень изначальной свободы, которая больше нигде более не будет такой, Мы - как дети, резвимся и играем, а через нас все отразимо там. И это наша Родина, а где ее родители? Неповторимое не повторяется, и здесь есть выбор, дальше это будет называться совсем по другому.

Это вот так. Это вот то. Так и вышло.

Так и есть. Тому все это. Такое не веришь.

Веришь, что так.

Евгений Киселев, "Юлдуз Ньюз" N 2, 1992 г.

МАГНИТОМ ПО ЗАПИСЯМ МАГНИТОМ ПО ЗАПИСЯМ

КООПЕРАТИВ НИШТЯК - МУТАБОР

1. Хорст Вессель
2. Алхимия
3. Бухенвальд
4. Освенцим
5. Адольф
6. Свастика
7. Литургия*
8. Бавария

Р.Кир – вокал

Джексон – гитара

Джефф – бас

Се.Жи – барабаны

* - В.Шериф /перевод с немецкого Н.Фаизовой/

Оформление - В.Щеголефф

С и Р 1992, Тюмень, КН Рекордз

Человек может быть признан одержимым:

1. Когда утверждает сам, что он одержим дьяволом.
2. Когда он ведет дурную жизнь.
3. Когда он чуждается людей и проводит жизнь в строгом одиночестве.
4. Когда он изрыгает хулу на Бога и часто поминает Дьявола.
5. Когда он заключает договор с Дьяволом.
6. Когда его изучают злые духи.
7. Когда у него на лице появляется ужасное выражение, приводящее людей в трепет.
8. Когда он жалуется на скуку и пустоту жизни, когда им овладевает отчаяние.
9. Когда он впадает в бешенство, буйнит и дерется.
10. Когда он издает крики, свист и рычание.

Семь злодейских деяний колдунов:

1. Они влагают в сердца людей смрадные вожеления.
2. Внушают злобу и ненависть.
3. Делают паузы.
4. Напускают болезни.
5. Морят людей и скот.
6. Отнимают разум.
7. Делают всякие пакости своим недругам.

* * *

КООПЕРАТИВ НИШТЯК - ЗОЛОВЬИ

Р.Кир, Джексон, Джефф, Шурик Андриюшкин + Пупа /шоу/.

Запись: октябрь 1992 г. С и Р ЦИКАБАНК Рекордз.

Подробности о записи альбома см. выше. На факте: 45-минутная выборка из почти 1,5 часового пьяного безобразия. Включает в себя материал из "Мутабора" и ряд старых хитов КН, проникнутых пивным духом и глобальным драйвом.

* * *

УМЕР - РЫБЬИ ГЛАЗА

1. Зимние сумерки /Г.Трактль, пер.В.Топорова/
2. Проклятье большим городам /Г.Гейне, пер.В.Топорова/
3. Там /А.Заев/
4. Уйти /А.Заев/

5. Я не знаю /С.Токарев/
6. Распяли солнце /А.Мерсеро, пер.И.Эренбурга/
7. Осторожно /С.Токарев/
8. Рыбьи глаза /А.Заев/
9. Колыбельная /С.Токарев/
10. Спокойной ночи /А.Заев/

Алексей ЗАЕВ - вокал, гитары, бас, клавиши, программы, музыка
А.МЕДВЕДЕВ - гитара; А.ДМИТРИЕВ - трубы; КАРАБАС - гитара, звук.
Попа Бегемота Рекордз, 1992 г.

Алексей Заев в свободное от ХУЙ ЗАБЕЙ время записывает альбомы УМЕР. Сольный проект, так сказать. Ничего общего с ХЗ, кроме разве что, музыкантов, воюющих на нескольких фронтах одновременно. Итак, УМЕР - это имидж. УМЕР - это почерк. УМЕР - это ЗАЕВ.

«Рыбьи глаза» я считаю самым неудачным у УМЕР альбомом. Надо отметить, что собственные песни Заева гораздо сильнее песен, в соавторы к которым он привлек именитых /и не очень/ людей. Таким был второй его альбом /мне он больше по душе/. Но успех дебютной своей записи /"На брюхе", 91 г./ Заев, по моему, не превзошел до сих пор. Значит, есть к чему стремиться.

ХУЙ ЗАБЕЙ - ГОВНА САМОВАР

БЕГЕМОТ, КАРАБАС и А.МЕДВЕДЕВ а также:
Лева Костандян - ксилофон, ударные, подпевки, вокал, мужество
А. Заев - вокал, подпевки, рожок
Сева - барабаны
Сергей Суворов - ударные, звук иногда
Приглашенный певец Берт - вокал в "Не доводилось", немецкая речь,
Колокол
Надюха - подпела
Найк Борзов и прочие кришнаиты участия в записи не принимали
ПОПА БЕГЕМОТА РЕКОРДЗ, 92

А вот и "Забей" с очередным /восьмым уже!/ альбомом. Летняя поездка "в деревню к деду" оказалась для Бегемота очень плодотворной, результат - на магнитной ленте. Никаких тебе открытий /а зачем они?/ Как всегда -

коротко и ясно. На великом и могучем. Ох, и широка эта деляна? на которой забили ХЗ!...

* * *

ЯКОВ АФАНАСЬЕВ - ИТАК - 86
ЯКОВ АФАНАСЬЕВ - 88/89

Я слышал о Яше Афанасьеве как о поэте. Знаю, что пару лет назад вышел сборник его стихов /до меня, к сожалению, не дошедший/. Его имя мелькало в "инструкционных" кругах, в тюменской молодежи... Но когда ко мне в руки попала кассета с его песнями, я был очень удивлен. Наконец-то знакомство состоялось! Оно и должно было начаться с песен. И начаться гораздо раньше, поскольку одна сторона к/кассеты датирована еще 86-м годом/!/. Именно в это время делали свои первые шаги в звукозаписи ИПВ, КРЮК, но о качестве записанных ими тогда фонограмм говорить не приходится. С Яшей все по другому. Прозрачный акустический звук, пара гитар и очень не плохой голос. Красивые мелодичные песни, сильный текст. Местами выглядывает БГ, Цой, но кто в это время не испытывал на себе влияние Питера? Еще один сюрприз - "Наступает декабрь" в авторской версии явно выигрышнее попытки ИПВ выжать из этой песни энергию /см.альбом "Ночной бит", 87 г./.

Не знаю, как вы, а я испытал радость за талантливую человека.

Муз.Обозреватель.

ЯКОВ АФАНАСЬЕВ. СТИХИ.

испытывая жуткую
 радость освобождения
Разжать не забудь
 сжатые в гневе кисти
Выпустить горсти жесткого снега
Покуда
 ты ее не хочешь трогать
А она - целует твоё лоно
Вот потому-то
 есть белый и чёрный принцы
Потому -
 нет и не может быть принца
серого.

Июль 1986 г.

КРАСНЫЕ ФЛАГИ

Твой мир никому не нужен,
как, собственно, и твоя жизнь.
Они без тебя обойдутся
как и без тысяч других.

- ... и любовь к ледяному кофе, странным протяжным фильмам, старым
джинсам и малому количеству денег;
прогулкам в сумрачный дождь, когда город уносится в небо,
и небо становится городом, и город становится небом...
и получается так, что есть город, и есть космос, а неба нет.
дождь иссякает, но ты уже знаешь:
город - небо и космос - небо равняется НЕБО,
поэтому следствий не счесть.

...никому вот это не надо.
Подавай им хлеба и бабу, как и во все прочие времена.

Но что заставляет меня думать о небе,
гомеостазисе и эпохе армагеддон,
любить тебя долго и нежно, хандрить по утру
/...когда мы замираем, взыскуя нежности.../,
напевать мелодии "Кримсон"
и строить дальше тот самый ней мир, -
ТО, что
и ты, и сотни тысяч других
обойдутся вполне без тех,
кому ты так сильно не нужен.
Пусть это даже тебе претит.

Но у каждого есть
свои красные флаги на крышах.

Апрель 1989 г.

ЧЕСЛАВ МИЛОШ ПЕСЕНКА О КОНЦЕ СВЕТА

В день конца света
Пчела кружится над цветком настурции,
Рыбак починяет сеть,
Скачут весело в море дельфины,
Воробьи гомонят без причин,
Золотая змея блестит, как должна блестеть.

В день конца света
Идут женщины под зонтиками полем,
Засыпает пьяница на сквере,
Зеленью торгует зеленщица,
Лодка под желтым парусом к острову подплывает,
Звук скрипки в воздухе длится,
Звездной ночи отворяя двери.

А те, что ждали громов и молний,
Обманулись.
А те, что ждали знамений на небе,
Никак не верят, что уже.
Покуда солнце и луна не пали наземь,
Покуда шмель летит на розу,
Пока родятся розовые дети,
Никто не верит, что уже.

Лишь седой старичок, тот, что был бы пророком,
Но не стал, потому что над грядкой колдует,
Повторяет, подвязывая помидоры:
Другого конца света не будет,
Другого конца света не будет.

Перевод Вл. Британишского

АНДЕРГРАУНД /декабрь 1992/

СОДЕРЖАНИЕ:

Редакционная статейка

Золыи унд Зольдату или Резня по дереву

Интервью с Джеффом и Джексонем

Мерзилка:

Джерри Гнойс и Чарльз Склепперсон. Поганая повесть

Жилкин Вл.Вл. Стихи ...

Подлая ночь ЦИКАБАНКа

Бардин М. Стихи Из закровов:

"Юлдуз Ньюз" Магнитом по записям:

 КООПЕРАТИВ НИШТЯК - Мутабор

 КООПЕРАТИВ НИШТЯК - Золыи

 УМЕР - Рыбьи глаза

 ХУЙ ЗАБЕЙ - Говна самовар

 АФАНАСЬЕВ ЯКОВ - Итак; 88/89; Стихи

Чеслав Милош. Песенка о конце света

Редактор - Михаил Зуйков

Фото - Виктор Щёголев, Пётр Земляных

Графика - Рудик, Дмитрий Куприянов

Р и С "ЦИКАБАНК-ПРЕСС" 1992 г.